

Сорок сороков. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> приятного чтения!

Сорок сороков. Михаил Афанасьевич Булгаков

Решительно скажу: едва[1]

Другая сыщется столица, как Москва.

Панорама первая: ГОЛЫЕ ВРЕМЕНА

Панорама первая была в густой тьме, потому что въехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921-го года. По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу. Ибо, что бы ни происходило, что бы вы ни говорили, Москва – мать, Москва – родной город. Итак, первая панорама: глыба мрака и три огня.

Затем Москва показалась при дневном освещении, сперва в слезливом осеннем тумане, в последующие дни в жгучем морозе. Белые дни и драповое пальто. Драп, драп. О, чертова дерюга! Я не могу описать, насколько я мерз. Мерз и бегал. Бегал и мерз.

Теперь, когда все откормились жирами и фосфором, поэты начинают писать о том, что это были героические времена. Категорически заявляю, что я не герой[2]. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный – рожденный ползать, – и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду[3]. Никто кормить меня не желал. Все буржуи заперлись на дверные цепочки и через щель высовывали липовые мандаты и удостоверения. Закутавшись в мандаты, как в простыни, они великолепно пережили голод, холод, нашествие «чижиков», трудгужналог и т. под. напасти. Сердца их стали черствы, как булки, продававшиеся тогда под часами на углу Садовой и Тверской.

К героям нечего было и идти. Герои были сами голы, как соколы, и питались какими-то инструкциями и желтой крупой, в которой попадались небольшие красивые камушки вроде аметистов.

Я оказался как раз посередине обеих групп, и совершенно ясно и просто предо мною лег лотерейный билет с надписью – смерть. Увидав его, я словно проснулся. Я развил энергию неслыханную, чудовищную[4]. Я не погиб, несмотря на то, что удары сыпались на меня градом и при этом с двух сторон. Буржуи гнали меня при первом же взгляде на мой костюм[5] в стан пролетариев. Пролетарии выселяли меня с квартиры на том основании, что если я и не чистой воды буржуй, то во всяком случае его суррогат. И не выселили. И не выселят[6]. Смею вас заверить. Я перенял защитные приемы в обоих лагерях. Я оброс мандатами, как собака шерстью, и научился питаться мелкокаратной разноцветной кашей. Тело мое стало худым и жилистым, сердце железным, глаза зоркими. Я – закален.

Закаленный, с удостоверениями в кармане, в драповой дерюге, я шел по Москве[7] и видел панораму. Окна были в пыли. Они были заколочены. Но кое-где уже торговали пирожками. На углах обязательно помещалась вывеска «Распределитель №...». Убейте меня, и до сих пор не знаю, что в них распределяли. Внутри не было ничего, кроме паутины и сморщенной бабы в шерстяном платке с дырой на темени. Баба, как сейчас помню, взмахивала руками и сипло бормотала:

– Заперто... заперто, и никого, товарищ, нетути!

И после этого провалилась в какой-то люк.

Возможно, что это были героические времена, но это были голые времена.

Панорама вторая: СВЕРХУ ВНИЗ

На самую высшую точку в центре Москвы я поднялся в серый апрельский день. Это была высшая точка – верхняя платформа на плоской крыше дома бывшего Нирензее[8], а ныне Дома Советов в Гнездиновском переулке. Москва лежала, до самых краев видная, внизу. Не то дым, не то туман стлался над ней, но сквозь дымку глядели бесчисленные кровли, фабричные трубы и маковки сорока сороков. Апрельский ветер дул на платформы крыши, на ней было пусто, как пусто на душе. Но все же это был

Сорок сороков. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru уже теплый ветер. И казалось, что он задувает снизу, что тепло подымается от чрева Москвы. Оно еще не ворчало, как ворчит грозно и радостно чрево больших, живых городов, но снизу сквозь тонкую завесу тумана подымался все же какой-то звук. Он был неясен, слаб, но всеобъемлющ. От центра до бульварных колец, от бульварных колец далеко до самых краев, до сизой дымки, скрывающей подмосковные пространства.

– Москва звучит, кажется, – неуверенно сказал я, наклоняясь над перилами.

– Это – нэп, – ответил мой спутник, придерживая шляпу.

– Брось ты это чертово слово[9]! – ответил я. – Это вовсе не нэп, это сама жизнь. Москва начинает жить.

На душе у меня было радостно и страшно. Москва начинает жить, это было ясно, но буду ли жить я? Ах, это были еще трудные времена. За завтрашний день нельзя было поручиться. Но все же я и подобные мне не ели уже крупы и сахарину. Было мясо на обед. Впервые за три года я не «получил» ботинки, а «купил» их; они были не вдвое больше моей ноги, а только номера на два.

Внизу было занято и страшновато. Нэпманы уже ездили на извозчиках, хамили по всей Москве. Я со страхом глядел на их лики и испытывал дрожь при мысли, что они заполняют всю Москву, что у них в кармане золотые десятки, что они меня выбросят из моей комнаты, что они сильные, зубастые, злобные, с каменными сердцами.

И спустившись с высшей точки в гущу, я начал жить опять. Они не выбросили. И не выбросят, смею уверить.

Внизу меня ждала радость, ибо нет нэпа без добра: баб с дырами на темени выкинули всех до единой. Паутина исчезла; в окнах кое-где горели электрические лампочки и гирляндами висели подтяжки.

Это был апрель 1922 года.

Панорама третья: НА ПОЛНЫЙ ХОД

В июльский душный вечер я вновь поднялся на кровлю того же девятиэтажного нирензеевского дома. Цепями огней светились бульварные кольца, и радиусы огней уходили к краям Москвы. Пыль не достигала сюда, но звук достиг. Теперь это был явственный звук: Москва ворчала, гудела внутри. Огни, казалось, трепетали, то желтые, то белые огни в черно-синей ночи. Скрежет шел от трамваев, они звякали внизу, и глухо, вперевод, с бульвара неслись звуки оркестров.

На вышке трепетал свет. Гудел аппарат – на экране был помещичий дом с белыми колоннами. А на нижней платформе, окаймляющей верхнюю, при набегавшем иногда ветре шелестели белые салфетки на столах и фрачные лакеи бежали с блестящими блюдами. Нэпманы влезли и на крышу. Под ногами были четыре приплюснутых головы с низкими лбами и мощными челюстями. Четыре накрашенных женских лица торчали среди нэпмановских голов, и стол был залит цветами. Белые, красные, голубые розы покрывали стол. На нем было только пять кусочков свободного места, и эти места были заняты бутылками. На эстраде некто в красной рубашке, с партнершей – девицей в сарафане, – пел частушки:

У Чичерина в Москве
Нотное издательство!
Пианино рассыпалось каскадами.

– Бра-во! – кричали нэпманы, звеня стаканами, – бис!

Приплюснутая и сверху казавшаяся лишенной ног девица семенила к столу с фужером, полным цветов.

– Бис! – кричал нэпман, потоптал ногами, левой рукой обнимал даму за талию, а правой покупал цветок. За неимением места в фужерах на столе, он воткнул его в даму, как раз в то место, где кончался корсаж и начиналось ее желтое тело. Дама хихикнула, дрогнула и ошпарила нэпмана таким взглядом, что он долго глядел мутно, словно сквозь пелену. Лакей вырос из асфальта и перегнулся, Нэпман

Сорок сороков. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru колебался не более минуты над карточкой и заказал. Лакей махнул салфеткой, всунулся в стеклянную дыру и четко бросил:

– Восемь раз оливье, два лангет-пикана, два бифштекса.

С эстрады грянул и затоптал лихой, веселый матросский танец. Замелькали ноги в лакированных туфлях и в штанах клешем.

Я спустился с верхней площадки на нижнюю, потом – в стеклянную дверь и по бесконечным широким нирензеевским лестницам ушел вниз. Тверская приняла меня огнями, автомобильными глазами, шорохом ног. У Страстного монастыря[10] толпа стояла черной стеной, давали сигналы автомобили, обходя ее. Над толпой висел экран. Дрожа, дробясь черными точками, мутясь, погасая и опять вспыхивая на белом полотне, плыли картины. Бронепоезд с открытыми площадками шел, колыхаясь. На площадке, молниеносно взмахивая руками, оборванные артиллеристы с бантами на груди вгоняли снаряд в орудие. Взмах руки, орудие вздрагивало, и облако дыма отлетало от него.

На Тверской звенели трамваи, и мостовая была из-вороченной грудой кубиков. Горели жаровни. Москву чинили и днем и ночью.

Это был душный июль 1922 года.

Панорама четвертая: СЕЙЧАС

Иногда кажется, что Больших театров в Москве два. Один такой: в сумерки на нем загорается огненная надпись. В кронштейнах вырастают красные флаги. След от сорванного орла на фронте бледнеет. Зеленая квадрига чернеет, очертания ее расплываются в сумерках. Она становится мрачной. Сквер пустеет. Цепями протягиваются непреклонные фигуры в тулупах поверх шинелей, в шлемах, с винтовками с примкнутыми штыками. В переулках на конях сидят всадники в черных шлемах. Окна светятся. В Большом идет съезд.

Другой – такой: в излюбленный час театральной музыки, в семь с половиной, нет сияющей звезды, нет флагов, нет длинной цепи часовых у сквера. Большой стоит громадой, как стоял десятки лет. Между колоннами желто-тускловатые пятна света. Приветливые театральные огни. Черные фигуры текут к колоннам. Часа через два внутри полутемного зала в ярусах громоздятся головы. В ложах на темном фоне ряды светлых треугольников и ромбов от раздвинутых завес. На сукне волны света, и волной катится в грохоте меди и раскатах хора триумф Радамеса[11]. В антрактах, в свете, золотым и красным сияет Театр и кажется таким же нарядным, как раньше,

В антракте золото-красный зал шелестит. В ложах бенуара причесанные парикмахером женские головы. Штатские сидят, заложив ножку на ножку, и, как загипнотизированные, смотрят на кончики своих лакированных ботинок (я тоже купил себе лакированные[12]). Чин антрактового действия нарушает только одна нэпманша.

Перегнувшись через барьеры ложи в бельэтаже, она взволнованно кричит через весь партер, сложив руки рупором:

– Дора! Пробирайся сюда! Митя и Соня у нас в ложе!

Днем стоит Большой театр желтый и грузный, облупившийся, потертый. Трамваи огибают Малый, идут к нему. «Мюр и Мерилиз», лишь чуть начнет темнеть, показывает в огромных стеклах ряды желтых огней. На крыше его вырос круглый щит с буквами: «Государственный универсальный магазин». В центре щита лампа загорается вечером. Над Незлобинским театром[13] две огненные строчки то гаснут, то вспыхивают: «Сегодня банкноты 251». В Столешниковом на экране корявые строчки: «Почему мы советуем покупать ботинки только в...». На Страстной площади на крыше экран – объявления то цветные, то черные вспыхивают и погасают. Там же, но на другом углу, купол вспыхнет, потом потемнеет, вспыхнет и потемнеет «Реклама».

Все больше и больше этих зыбких цветных огней на Тверской, Мясницкой, на Арбате, Петровке. Москва заливается огнями с каждым днем все сильней. В окнах магазинов всю ночь не гаснут дежурные лампы, а в некоторых почему-то освещение а giorno{1}. До полуночи торгуют гастрономические магазины МПО.

Москва спит теперь, и ночью не гася всех огненных глаз.

С утра вспыхивает гудками, звонками, разбрасывает по тротуарам волны пешеходов. Грузовики, ковыляя и погромыхивая цепями, ползут по разъезженному рыхлому бурому снегу. В ясные дни с Ходынки летят с басовым гудением аэропланы. На Лубянке вкруговую, как и прежде, идут трамваи, выскакивая с Мясницкой и с Большой Лубянки. Мимо первопечатника Федорова под старой зубчатой стеной они один за другим валят под уклон вниз к Метрополю. Мутные стекла в первом этаже Метрополя просветлели, словно с них бельма сняли, и показали ряды цветных книжных обложек. Ночью драгоценным камнем над подъездом светится шар. Госкино-II. Напротив через сквер неожиданно воскрес Тестов[14] и высунул в подъезде карточку: крестьянский суп. В Охотном ряду вывески так огромны, что подавляют магазинчики. Но Параскева Пятница глядит печально и тускло. Говорят, что ее снесут[15]. Это жаль. Сколько видал этот узкий проход между окнами с мясными тушами и ларьками букинистов и белым боком церкви, ставшей по самой середине улицы.

Часовню, что была на маленькой площади, там, где Тверская скрещивается с Охотным и Моховой, уже снесли[16].

Торговые ряды на Красной площади, являвшие несколько лет изумительный пример мерзости запустения, полны магазинов. В центре у фонтана гудит и шаркает толпа людей, торгующих валютой. Их симпатичные лица портит одно: некоторое выражение неуверенности в глазах. Это, по-моему, вполне понятно: в ГУМе лишь три выхода. Другое дело у Ильинских ворот – сквер, простор, далеко видно... Эпидемически буйно растут трактиры и воскресают. На Цветном бульваре в дыму, в грохоте рвутся с лязгом звуки «натуральной» польки:

Пойдем, пойдем, ангел милый,
Польку танцевать с тобой.
С-с-с-с-с-лышу, с-с-с-лышу, с-с-с...
Польки звуки неземной!!

Извозчики теперь оборачиваются с козел, вступают в беседу, жалуются на тугие времена, на то, что их много, а публика норовит сесть в трамвай. Ветер мотает кинорекламы на полотнищах поперек улицы. Заборы исчезли под миллионами разноцветных афиш. Зовут на новые заграничные фильмы, возвещают «Суд над проституткой Заборовой, заразившей красноармейца сифилисом», десятки диспутов, лекций, концертов. Судят «Санина», судят «Яму» Куприна, судят «Отца Сергия», играют без дирижера Вагнера, ставят «Землю дыбом» с военными прожекторами и автомобилями, дают концерты по радио, портные шьют стрелецкие гимнастерки, нашивают сияющие звезды на рукава и шевроны, полные ромбов. Завалили киоски журналами и десятками газет...

И вот брызнуло мартовское солнце, растопило снег. Еще басистей загудели грузовики, яростней и веселей. К Воробьевым горам уже провели ветку, там роют, возят доски, там скрипят тачки – готовят всероссийскую выставку.

И, сидя у себя в пятом этаже, в комнате, заваленной букинистическими книгами, я мечтаю, как летом взлезу на Воробьевы, туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва – мать.

Авторские сноски

{1} яркое (фр.).

1 Решительно скажу: едва... – Булгаков в своих эпиграфах к произведениям очень часто использует тексты классиков, иногда по памяти, иногда «подправляя» их для своих конкретных целей. В данном случае использована и «подправлена» цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова: «А, батюшка, признайтесь, что едва // Где сыщется столица как Москва».

2 Категорически заявляю, что я не герой. – Конечно, в этом саркастическом заявлении заложен прежде всего смысл политический. Но и «житейского» в нем немало. Об этом говорят многие дневниковые записи Булгакова. Приведем некоторые из них (19 и 26 октября 1923 г.): «Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ..»

В минуты нездоровья и одиночества предаюсь печальным и завистливым мыслям.

Сорок сороков. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого. Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей выливающимися в произведениях, трудно печататься и жить... Но не будем унывать... Какое обаяние в этом старом сентиментальном Купере! Тип Давида, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге. Может быть, сильным и смелым Он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о Нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога...
Нужно было быть исключительным героем, чтобы молчать в течение четырех лет, молчать без надежды, что удастся открыть рот в будущем. Я, к сожалению, не герой... Но мужества во мне теперь больше, о, гораздо больше, чем в 21-м году...»

3 ...я чуть не умер с голоду. – Первые месяцы 1922 г. были для Булгаковых тяжелейшими. Это время можно охарактеризовать всего двумя словами: голод и холод. Так запомнилось оно Татьяне Николаевне: «Бывало, что по три дня ничего не ели, совсем ничего. Не было ни хлеба, ни картошки. И продавать мне уже было нечего. Я лежала, и все. У меня было острое малокровие...»

Голод и холод поразили практически всю Россию. Даже «Правда» помещала на своих страницах жуткие сообщения. Так, в номере от 27 января 1922 г. можно было прочесть следующее: «В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары и наблюдается небывалое явление людоедства... Тайком родители поедают собственных умерших детей...»

4 ...развил энергию неслыханную, чудовищную. – В самый разгар голода Булгаков не писал писем, сил не было. Но накануне голода и после него в своих письмах он довольно ясно нарисовал картину происходящего. Из письма к матери 17 ноября 1921 г.: «Труден будет конец ноября и декабрь... Но я рассчитываю на огромное количество моих знакомств и теперь уже с полным правом на энергию, которую пришлось проявить volens nolens... Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю...» (выделено нами. – В. Л.).

5 Буржуи гнали меня при первом же взгляде на мой костюм... – 24 марта 1922 г. Булгаков писал Н. А. Земской в Киев: «Самое характерное, что мне бросилось в глаза: 1) человек плохо одетый – пропал...»

6 И не выселили. И не выселят. – В письме к другой сестре, Вере Афанасьевне (в тот же день, 24 марта), Булгаков еще не был столь категоричен: «Самый ужасный вопрос в Москве – квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем Земским... Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот...»

7 ...в драповой дерюге, я шел по Москве... – Из письма к матери 17 ноября 1921 г.: «Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре... Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать... Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону)...»

8 ...дома бывшего Нирензее... – Самый высокий в то время в Москве дом (десятиэтажный, с высокими потолками). Построен в 1912 г. по проекту инженера Э. К. Нирензее. С начала 20-х гг. в нем разместился целый ряд советских учреждений и всевозможных заведений, в том числе и редакция газеты «Накануне».

9 ...нэп... Брось ты это чертово слово!.. – Быть может, это наиболее «чувствительная» характеристика, данная Булгаковым нэпу.

10 У Страстного монастыря... – Страстной монастырь, один из красивейших и древнейших в Москве, был построен в 1654 г. царем Алексеем Михайловичем во имя Страстной иконы Божьей Матери (об истории монастыря см.: «Сорок сороков». Т. 1. М., 1992. С. 209–213). Его история в советское время – это история глумления над православной Церковью.

11 ...триумф Радамеса. – Радамес – герой оперы Дж. Верди (1813–1901) «Аида» (1870).

12 ...я тоже купил себе лакированные. – Из письма к Н. А. Земской от 24 марта 1922 г.: «Сегодня купил себе английские ботинки желтые на рынке за четыре с четвертью лимона. Страшно спешил, потому что через неделю они будут стоить десять... Сейчас, собравшись запечатывать письмо, узнал: ботинки не английские, а американские и на картонной подошве. Господи, Боже мой! До чего мне все это надоело!»

13 Над Незлобинским театром... – Театр был создан в 1909 г. антрепренером, режиссером и актером К. Н. Незлобиным (1857–1930). В 1917 г. преобразован в Товарищество актеров. В 1922 г. произошло его слияние с театром РСФСР Первым, в результате которого образовался «Театр актера».

14 ...воскрес Тестов... – Речь идет о ресторане Тестова.

15 ...Параскева-Пятница глядит печально... ее снесут. – Церковь Параскевы-Пятницы в Охотном ряду – древнейшая (построена до 1406 г.), многократно перестраивавшаяся. Снесена в 1928 г. фрагмент из «Рабочей газеты», 29 июня 1928 г.: «Через месяц-два Параскева-Пятница будет окончательно снесена. Не станет помехи уличному движению, исчезнет ненужный свидетель мрачного прошлого». На месте церкви был воздвигнут Дом правительства. Сейчас здесь заседает Дума.

16 Часовню... там, где Тверская скрещивается с Охотным и Моховой, уже снесли. – Речь идет о часовне Александра Невского, построенной по проекту архитектора Д. Н. Чичагова в память воинов, погибших во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Освящена 28 ноября 1883 г. Часовня изображала стальную пирамиду с арматурой из воинских доспехов, венчавшейся как бы шапкою Маномеха с крестом. В народную память часовня вошла как памятник в честь освобождения славян от турецкого ига. Снесена в 1922 г. в канун пятой годовщины революции. Это был первый снос церковного здания в Москве.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!